

А.Н.Клепач,
кандидат экономических наук.
Институт народнохозяйственного
прогнозирования РАН

О трансформации и модернизации экономических институтов России

Знаковым событием прошедшего года стало признание России страной с рыночной экономикой. Для этого потребовалось 11 лет драматических преобразований и кризиса. *Переход к рыночно-капиталистической системе*, на наш взгляд, в основном завершился еще в 1994—1995 гг.

Основными критериями рыночного характера российской экономики стали завершение (де-факто и де-юре) процесса привати-

© А.Н.Клепач, 2003

зации основной части госсобственности и образование крупных финансово-промышленных групп; превращение цен, валютного курса, нормы прибыли и ставок заработной платы в реальные регуляторы движения товаров, труда и поведения основных субъектов экономики. Образование значительного навеса неплатежей отнюдь не означало виртуального или нерыночного характера российской экономики, но свидетельствовало о ее внутренней неустойчивости и острых диспропорциях, которые проявлялись в инфляционных процессах, взаимных долгах и падении производства.

Трансформационный процесс развивался в России в целом *по тем же закономерностям*, что и в Восточной Европе. Вряд ли в этом случае можно говорить о качественно иной российской модели перехода к рынку. Особенностью российской драмы, на наш взгляд, являлся *варварский и жестокий характер перехода*, разрушительный для большей части населения и накопленного в советское время материального и научно-технического потенциала. Элита, как это обычно и происходило в российской истории, действовала без оглядки на население и без сострадания к его жертвам. Именно агрессивный и варварский характер трансформации, а отнюдь не ее половинчатость или мнимая непоследовательность, за которую выдается несоответствие планов и их результатов, являются причиной особой продолжительности и масштабности экономического кризиса.

Как бы ни оценивать процесс и итоги трансформации, важно, что она *не привела к модернизации российской экономики*, решению тех задач, с которыми столкнулось еще советское общество, и ответу на те новые вызовы, которые порождены уже новым тысячелетием. В 1980-е годы перестройка в экономическом плане была направлена на преодоление отставания от Запада, прорыв к обществу "массового потребления" со свойственными ему стандартам качества жизни. Ожидались снижение энергоемкости экономики и адаптация к вызовам со стороны экологии, рывок в развитие информационных технологий, снижение экономической дифференциации и демократизация экономики.

Сейчас, спустя почти 20 лет, мы находимся дальше, а не ближе, от решения многих из этих задач. Отставание в уровне жизни и эффективности производства от ведущих стран Запада не сократилось, а возросло. По уровню дохода на душу населения разрыв между Россией и Европой вырос в среднем с 20 лет во времена Союза до примерно 40 лет. Конечно, можно возразить, что качественное наполнение ВВП изменилось, стало меньше танков и ракет и больше товаров для населения. Однако при всей условности международных сопоставлений ВВП — это все же довольно объективный критерий. И он свидетельствует о том, что со среднедушевым доходом около 8 тыс. долл. (по паритету покупательной способности), мы отстаем от той же Португалии почти вдвое, тогда как Советский Союз 20 лет назад находился с ней примерно на одном

уровне. Вместо подъема в верхнюю группу мы опустились на самую границу между странами со средним и низким уровнями дохода при мировом сопоставлении и нам угрожает дальнейшее соскальзывание вниз. Если тенденции развития нашей и китайской экономик не изменятся, то через 20-25 лет Китай вполне может перегнать нас по уровню дохода на душу населения.

Прорыв к обществу массового потребления действительно состоялся только для небольшой части населения. Так называемый средний класс, составляющий от 9 до 15% населения, живет на уровне среднеевропейских стандартов. Во многом за счет этой группы общества средний уровень потребления домашних хозяйств на 14% превысил уровень 1991 г., тогда как в целом страна, если судить по уровню ВВП, пока на 24% беднее. За средними цифрами скрывается крайне неравномерная картина по видам потребления и социальным группам. Значительно выросло потребление товаров длительного пользования (автомобилей, видеомэгагнитофонов, телевизоров), повысилась обеспеченность жильем (в том числе вторым жилищем), что свойственно как раз "обществу массового потребления". В то же время потребление базовых продуктов питания (мяса, молока, рыбы, овощей) в среднем понизилось. В кризисном состоянии находится сфера коллективных услуг, где происходит формирование человеческого потенциала или, точнее, производство человека: наука, здравоохранение и образование. Даже если отвлечься от деградации качества этих услуг, то объем их предоставления сейчас на 15% уступает 1991 г. Мы быстро приближаемся к латиноамериканскому обществу, где социальные услуги становятся доступными лишь ограниченному кругу людей, которые в состоянии платить за них полную цену, или тем, кто работает на государство и защищен им.

Вместо продвижения к утопической цели отмены привилегий и снижения дифференциации, мы получили резкий взлет социальной дифференциации и фактически новый раскол общества. При этом 20-30% населения не только превратились в новых бедных, но, по-видимому, утратили возможность и надежду улучшить положение в современном обществе для себя и для своих детей. Годы трансформации несколько примирили наше российское общество с особым положением и более высокой оплатой управляющих, однако трудно сказать, насколько оно готово не просто мириться, но принять противопоставление хозяина и наемного работника как должное. Идеал участия всех в управлении производством и собственностью сейчас и не вспоминается. Его сменил вопрос зарплаты и получения дивидендов или процентов на депозит.

Эффективность экономики за эти 20 лет в среднем практически не повысилась, а судя по динамике многих показателей, даже понизилась. Например, производительность труда в экономике в целом отстает от уровня 1991 г. на 18%, хотя в промышленности масштабное высвобождение рабочей силы позволило превысить до-

реформенно-дореволюционный уровень на 4%. Качественное состояние производственного аппарата резко ухудшилось, а средний срок использования оборудования превысил 20 лет. Энергоемкость экономики не уменьшилась, а повысилась, а ее зависимость от экспорта топлива и сырья резко выросла. От кризисного падения производства пострадали в наибольшей степени именно отрасли, ориентированные на конечный спрос и отличающиеся более высоким уровнем обработки. Причина этого не только в макроэкономических факторах: более резком сжатии спроса именно на высоко- и среднетехнологичную продукцию обрабатывающей промышленности из-за открытия внутреннего рынка импорту, сокращения государственных расходов и инвестиционных программ. Свой вклад внесли инфляция и подтягивание цен на сырье к мировому уровню, которое перераспределило доходы в пользу первичных отраслей и привело к дефициту капитала в обрабатывающем секторе.

На наш взгляд, ключевую роль в большей глубине кризиса в обрабатывающих секторах относительно более высокотехнологичных сыграл дефицит механизмов координации. В сложных производствах с множественными кооперационными связями и длительным циклом изготовления продукции, потери от атомистической приватизации, раздробленности банковского сектора, ограниченности кредита, отсутствия долгосрочных планов и неопределенности развития оказались значительно выше, чем в топливном и сырьевом секторах. К тому же в этих секторах процессы концентрации и консолидации капитала и управления шли значительно быстрее и глубже.

Переход к постиндустриальному, информационному обществу состоялся в части повышения роли в экономике и обществе информатики и компьютеризации, становления сектора информационных и медийных услуг. В то же время действительно наукоемкие производства (микробиология, авиакосмическая промышленность и др.) находятся в кризисном состоянии. Определенные успехи есть, похоже, только у ядерной энергетики и производства изотопов. Развитие отечественного производства компьютерных технологий и программного обеспечения так и не превратилось в значимую на макроуровне величину и по-прежнему имеет анклавный маломощный характер, несопоставимый с успехами ни Кореи и Тайваня, ни Индии. Вместе с развалом военно-промышленного комплекса Россия сбрасывает избыток наукоемких производств, пока не найдя им достойной альтернативы. На наш взгляд, становление информационного общества и постиндустриализма не может стать в ближайшие годы основным двигателем модернизации российской экономики. Последняя нуждается в своеобразной *второй промышленной революции*, опирающейся на средние, а не только на высокие технологии. В пользу этого говорит прежде всего низкий уровень конкурентоспособности базовых традиционных секторов, нуждающихся в коренном обновлении оборудования.

Высокотехнологичные наукоемкие, и в том числе постиндустриальные сектора в ближайшие годы неизбежно будут развиваться в отрыве от основной массы производств. Для их развития нужны дополнительные стимулы, выходящие за пределы логики получения краткосрочных прибылей. В то же время правительство по-прежнему делает ставку на дерегулирование и ограничение масштабов государственного вмешательства в экономику. На наш взгляд, преодолеть узкие места сложившейся структуры производства и резко поднять его конкурентоспособность *без активного вмешательства государства* в процессы модернизации *невозможно*. Риски модернизации довольно велики даже для крупного российского бизнеса. В настоящее время он производит, по нашей оценке, около 20% ВВП, а вместе с государственными монополиями ("Газпромом", "РАО ЕЭС" и МПС) — более трети. Малый и средний бизнес в настоящее время значительно недоразвит, но на наш взгляд, он и в будущем не сможет играть роль основного локомотива экономического роста и модернизации. Еще сильнее, чем малого бизнеса, российской экономике не хватает слоя относительно крупных, но неконгломератных, не "олигархических" предприятий с оборотами в 100-300 млн долл. в год. Несмотря на то что после кризиса 1998 г. класс средних предприятий значительно вырос — до 30-50% всех предприятий в промышленности, экономически он по-прежнему весьма слаб, особенно его верхний слой¹. Между тем именно он вместе с крупными российскими корпорациями мог бы сыграть роль основного субъекта модернизации. Тогда как идеализация малого бизнеса и догматические нападки на российских "челобой", сознательно или несознательно отдают инициативу модернизации российской экономики — руки варягов — крупных иностранных компаний, которые когда-нибудь (возможно, через 4—5 лет) придут в Россию и "наведут в ней цивилизованный порядок". Крупные российские компании-экспортеры получают 65-75% всей прибыли нефинансового сектора (что составляет около 12-15% ВВП). Несмотря на повышение в последние годы налоговой нагрузки и рост инвестиций, они располагают значительными избыточными доходами, которые достигают, по нашей оценке, как минимум 3-5% ВВП. Заметим, что все инвестиции в основной капитал оцениваются в 18% ВВП, что крайне мало для страны, находящейся в процессе восстановления и модернизации. Большая часть этих избыточных доходов идет на *финансирование экспорта капитала*. Как вернуть эти деньги в Россию? Правительство понимает всю актуальность и сложность этой проблемы и вместо попыток ужес-

---

¹ Опросы менеджеров (РЭБ) показывают, что около 50% промышленных предприятий оценивают свое положение как нормальное или благополучное, однако только около трети способны не только наращивать выпуск и обеспечивать нормальное финансовое положение, но и инвестировать и расширять закупки оборудования.

точения административных мер борьбы с оттоком капитала взяло курс на либерализацию валютного регулирования и улучшение инвестиционного климата. Отток капитала действительно сократился, но он с большим трудом идет в несырьевые обрабатывающие сектора. В этих условиях *правительство*, на наш взгляд, *чрезмерно упова*ет на *макрорегуляторы* — снижение налогов или сохранение заниженного курса рубля. Структурные преобразования и модернизация по своей сложности превосходят возможности управления "двумя ключами".

Фетишизму налоговых стимуляторов сродни и *институциональный фетишизм*, т.е. представление о том, что все встанет на свои места и климат станет солнечным, когда заработает судебная система, банки перейдут на западные стандарты отчетности и повысят свою капитализацию, государство де бюрократизируется, а коррупция уйдет в прошлое. Все это правильно, но очень напоминает институциональные проекты перестройки — демократизация, де бюрократизация, законность, финал которых известен. К тому же важен фактор времени. Многие оставшиеся в наследство от Советского Союза производства — авиационная индустрия, тракторостроение, скорее всего, *могут и не пережить* ближайшие три-четыре года, необходимые для минимальных преобразований в институциональной среде. Банковский сектор, конечно же, нуждается в значительном реформировании, но он и сейчас переживает бум кредитования экономики, а для наращивания вклада банков в инвестиционный процесс нужны серьезные преобразования в пенсионной системе, т.е. в изменении конфигурации *всей финансовой системы в целом*.

На наш взгляд, в модернизации российской экономики в плане как "второй промышленной революции", так и становления новой экономики и развития научного потенциала никуда не уйти от *точечной, ручной работы* с национальными стратегическими *проектами развития*, приоритетными секторами и компаниями. Модернизация в большей степени определяется на микро- и мезо-, чем на макроуровне экономики. Другими словами, нужна промышленная политика, но направленная на модернизацию и развитие новых технологий и рынков, а не на спасение и консервацию умирающих производств. Это тот институциональный процесс, которого Правительство упорно пытается избежать, но без которого модернизация так и будет влачить жалкое существование. О ней будут вспоминать только при угрозе падения темпов роста и дальнейшем увеличении отставания России от ведущих стран Запада и "третьего мира".

Конечно, на этом пути потребуются много организационных решений в плане совместной работы бизнеса и властей над ключевыми проектами развития. Основным препятствием здесь являются не финансы, а дефицит кадров, организационных усилий и стратегического видения. От относительно более высокого налогообложения доходов экспортеров сырья и топлива никуда не уйти, если мы

действительно хотим стимулировать модернизацию и не повторить порочный путь, приведший к долговому кризису государства 1998 г. Задача государства здесь не только в изъятии сверхдоходов, но и прежде всего в прозрачном и эффективном использовании средств. Несмотря на дискуссии о путях модернизации, похоже, что у властей, а возможно, и бизнеса, намечается вакуум идей. Темпы роста экономики снижаются, а симптомы голландской болезни становятся все явственнее. Опросы менеджеров указывают на то, что уровень понимания и доверия к проводимой экономической политике перестал повышаться, у населения же он даже несколько снизился. При этом сроки ожидаемого выхода России из кризиса опять увеличились, отодвинувшись до 2009—2010 гг., т.е. на время появления уже нового Президента РФ. Правительство пытается реагировать на угрозу торможения роста снижением налогов, уменьшением бюджетного профицита, дальнейшим сокращением государственных обязательств и вмешательства в экономику. При этом крупный бизнес начинает лоббировать сокращение расходов на систему социального и медицинского обеспечения, стремясь ограничить свои расходы преимущественно инвестициями в страхование своих работников.

Вклад общественного сектора России в совокупный спрос (18,2% ВВП в 2002 г.) ниже, чем во многих развитых западных странах: в Германии и Австрии — 18,9%, во Франции — 24,2%¹. Возникает угроза превращения этого сектора в барьер экономического роста и очаг длительного кризиса. Задачу обеспечения долгосрочной устойчивости российской экономики невозможно решать, опираясь на сокращение бюджетных расходов. Исторически получилось так, что государство в России несет ответственность за финансирование и развитие слишком многих секторов национальной социально-экономической системы. Переложить это бремя на частный сектор или население не удастся в одночасье, а многолетние провалы в финансировании не только потребностей этих секторов в развитии, но и их текущих нужд, неизбежно обернутся тяжелыми последствиями для всей страны. *Необходимо наращивать инвестиции в человека* — это вопрос не только конкурентоспособности, а будущего страны и преемственности с сильными сторонами советского прошлого. "Дешевое государство" в российских условиях — это прямая экономия на развитии человека.

Сейчас ситуация и в экономике, и в обществе довольно стабильна. И у государства, и у компаний есть резервы и возможность маневра даже при резком ухудшении мировой конъюнктуры. Накопленный ими за годы благоприятной конъюнктуры "жирок" доходов обеспечивает значительный запас прочности на два-три года вперед. Ближайшим серьезным кризисным рубежом могут стать 2008-2010 гг. Во первых, в эти годы может развернуться очередной

---

¹ Источник: Economist Intelligence Unit.

мировой циклический экономический кризис, что неизбежно затронет российскую экономику и скорее всего в большей степени, чем мировой кризис 2001-2002 гг. Во-вторых, может стать очевидной утрата импульса роста и окончательный развал советского наследия в виде авиакосмической индустрии и т.д. Проявятся первые плоды и издержки реорганизации "РАО ЕЭС", реформы жилищно-коммунального хозяйства, с предусмотренным ими ускоренным ростом платежей населения. С нарастанием внутренней дифференциации между регионами России и усилением трений в межбюджетных отношениях конфликтным очагом может стать региональный аспект российской экономики и общества. Это может привести к переоценке выстраиваемой ныне жесткой вертикали власти, перераспределяющей властные и финансовые полномочия в пользу центра. Катализатором противоречий во властной элите и снижения доверия к ней общества может стать проявившаяся неспособность властей и бизнеса осуществить модернизацию российской экономики и хоть сколько-нибудь заметно сократить отставание от западных стран, имея в виду не столько Португалию, сколько Польшу и других бывших партнеров по советскому блоку, интегрировавшихся в объединенную Европу.

Следующим рубежом, если не кризиса, то переоценки ценностей и итогов драматического десятилетия, могут стать 2020—2025 гг., когда на первые места выдвинется поколение, родившееся уже в новой России. Хотя опросы показывают, что молодежь в основном ориентируется на западные ценности и не отторгает все прошедшие преобразования, через 20 лет возникший в российском обществе раскол вполне может привести к критической переоценке "либеральной парадигмы" и возвращению к идеям "демократического социализма", государства благосостояния в его социал-демократическом варианте или, что более вероятно, американской модели "великого общества". Значительно ускорить эти внутренние процессы и придать им драматизм могут, как это часто бывало в истории России, кризисные коллизии на мировой арене, связанные с противостоянием США, Запада и исламского мира или мира слабых развивающихся стран. Эпицентром этих конфликтов может стать не только столкновение с исламским миром, Средней и Ближней Азией, но и оспаривание мировой гегемонии США Китаем. И в одном и в другом сценарии Россия окажется на острие конфликтов, что заставит ее по-новому позиционироваться в мире и может резко усилить центробежные тенденции в обществе, поставив под угрозу территориальную целостность страны.

Все эти вызовы, особенно в случае нарастания конфронтационных тенденций, заставят переосмыслить доминировавшую в 1990-х годах модель интеграции с Западом как носителем ведущих ценностей, источника модернизации и капитала, кульминацией которой стало партнерство с США после событий 11 сентября 2001 г.

Как в этих условиях обеспечить интеграцию российского общества и сохранить территориальную целостность страны? Можем ли мы избежать периферийного зависимого характера развития русского капитализма, или он вполне соответствует догоняющей модели развития? Означает ли эта модель развития дальнейшее сворачивание социального капитала и снижение научного потенциала, так как для латиноамериканского зависимого типа капитализма он явно избыточен? Не означает ли периферийный тип капитализма формирования мощного национального капитала, который тормозит приход иностранного капитала еще сильнее, чем "неблагополучный инвестиционный климат", и который согласен на его участие только на своих условиях? При этом малый и средний бизнес может оказаться еще более национально ориентированным, чем "олигархический" крупный капитал, делающий ставку на интернационализацию своих операций, экспорт капитала, привлечение иностранных менеджеров и инвестиций.

В России сформировался *варварский, но отнюдь не номенклатурный, а достаточно свободный*, скорее англосаксонский, чем континентальный, *тип капитализма*. Достаточно вспомнить, как выглядел американский капитализм начала прошлого века до прививки ему кейнсианского регулирования в 1930-е годы и институтов государства благосостояния в 1960-е годы. В России есть мощная олигархия и государственная бюрократия, но социальные ограничения действия капиталистических сил весьма слабы и накопление капитала, как и борьба частных интересов, имеют довольно свободный характер. Прошедшие десять лет преобразований означали коренное изменение идейного вектора развития российского общества. От идей обновления социализма путем строительства "демократического социализма", "социализма с человеческим лицом" и затем через поиск возможностей перехода к "шведской модели" капитализма или социал-демократической модели общества всеобщего благосостояния мы пришли к свободной игре рыночно-капиталистических сил в качестве как идеала, так и во многом реальности.

Противопоставление номенклатурного государственного капитализма конкурентному, на наш взгляд, носит умозрительный характер. Госкапитализм — это не только наследие советских времен, но и прежде всего реальность развитого западного общества со свойственными ему системами социального обеспечения и инвестиций в человеческий капитал. Российский капитализм страдает скорее не от избыточного госрегулирования, а от его неэффективности и в первую очередь от незрелости, несогласованности самих частных интересов, их неспособности к самоограничению и выходу за пределы узкокорпоративных нужд. Это мешает не только российской бюрократии, но и собственникам российских корпораций выступить в качестве действительных субъектов модернизации стра-

ны. Как тут не вспомнить слова Дж.Кеннеди: "Спрашивайте, не что Америка должна Вам, а что Вы могли бы сделать для своей страны?" Интересно, что ответили бы российские бизнесмены на этот вопрос?

Сближение властей и бизнеса могло бы идти не только на почве урегулирования финансовых обязательств — размера налогов и т.д., но и их общей социальной ответственности, *нового формата их диалога*. С одной стороны, это предполагает необходимость реальной (персональной) ответственности правительства, губернаторов, ведомств за результаты проводимой политики: выполнение бюджета, инвестиционной программы, социальных обязательств, накопление задолженности по заработной плате и пенсиям, отключение электроэнергии и неработоспособность коммунального хозяйства. Социальный контракт (договор) между властями и обществом должен быть двусторонним и включать не только готовность общества выполнять предложенные правила и требования (испытания), но и *ответственность высших руководителей и чиновников всех рангов за реализацию принятых законов, программ и обязательств*. После дистанцирования властей от "олигархов", когда было показано, "кто в доме главный", необходимо выработать новую форму диалога и сотрудничества, направленную на долгосрочную модернизацию страны и действительно резкое повышение ее конкурентоспособности.

Идеология социальной ответственности в большей степени, чем идеология приватизации и обогащения, соответствует ностальгическому характеру российского общественного сознания, ориентирующегося на предпочтении ценностей предшествующего исторического периода — зката государственного социализма. Как известно, социологические опросы регулярно показывают, что большинство населения по-прежнему предпочитает государственную собственность на недра и крупные предприятия — частной и рассматривает брежневский застой, или "развитой государственный социализм", в качестве более справедливого исторического периода, чем нынешний государственно-олигархический капитализм. На наш взгляд, эта двойственность сознания отражает не "лукавство" или нечестность поведения россиян (особенно старшего поколения), а глубокий раскол современной российской жизни, осознание ее несправедливости значительной частью, если не большинством общества. Перефразируя Гегеля, можно сказать, что не все действительное разумно и справедливо и не все справедливое действительно. Это не противоречит тому, что люди осознают невозможность радикального изменения действительности и ее утопического переустройства. Однако такой латентный социальный протест, разрыв между ценностями и реальностью совсем не обязательно разрешится со временем пассивным примирением с действительностью. Вполне возможно, что он будет питать

как раз попытки нового "социалистического" или социал-демократического эксперимента.

С другой стороны, ностальгичность сознания питается двойственностью самой российской реальности. Несмотря на очевидное господство рынка и капитала, логика конкуренции искажается не просто действиями государственной бюрократии или мнимой непоследовательностью реформ, а корпоративным характером самого современного капитала. Он заражен определенным "общинным духом", напоминающим, правда, не столько дух российской общины или советского предприятия, сколько японскую модель корпорации-семьи, или "сословного капитала". Правда, эта семейственность обычно имеет довольно личные черты, базируясь на отношениях узкой группы менеджеров-собственников, часто носящих дружеский характер. Своеобразная революция управляющих, наоборот, предполагает не отделение собственности от контроля, а их воссоединение, путем приватизации общественной собственности преимущественно за общественные же деньги. Только сейчас намечается тенденция к некоторому отделению, точнее, дистанцированию менеджеров-собственников от наемных менеджеров, которая может достичь своей зрелости лет через 20 вместе с переходом собственности в руки наследников нынешних хозяев ведущих корпораций. Как сработает этот механизм передачи власти и собственности и как к нему отнесется общество? Так или иначе этот дуализм современных российских корпораций, хотя и не содействует росту капитализации компаний, пока в какой-то мере позволяет примирить развитие промышленно-финансового капитала с сохранением "человеческого капитала", оставшегося в наследство от советской эпохи и не находящего пока реализации на рынке. Проявлением этого служит и то, что самооценка значительной массы россиян выше их положения по уровню дохода. Как эти индикаторы сойдутся в будущем — через рост доходов или снижение самооенок? Россия находится на перепутье. Вновь, как и в начале прошлого столетия, страна ищет свое место в мире, пытается модернизироваться, воспринять новые западные идеи и в то же время сохранить свое собственное лицо, свою историческую и культурную самобытность. Проведенные рыночные преобразования вновь раскололи российское общество, породили новое смутное время, многократно увеличив социальную и имущественную дифференциацию населения. Рывок к социальной и экономической свободе Россия совершила ценой отката по многим экономическим показателям на 20—30 лет назад. Сейчас она опять стоит перед задачей как внутренней консолидации и выздоровления после смутного времени, так и преодоления нарастающей отсталости от стран развитого, а где-то уже и среднеразвитого мира.

Несмотря на попытку возврата в Европу путем слома социализма и роспуска соцлагеря, мы оказываемся за пределами собст-

венно европейского дома. В российской элите согласия по вопросам как, какой ценой и какие позиции мы можем занять в новой Европе теперь, похоже, еще меньше, чем во времена М.Горбачева и Б.Ельцина. Дело в том, что мы неизбежно проигрываем тем восточноевропейским странам, которые уже включены в Европейский союз или будут включены в него в ближайшем будущем. Развитие этих стран уже опирается не только на их национальные силы, но и на знания и капиталы объединенной Европы, хотя ради этого они вынуждены пожертвовать частью национального суверенитета и экономического потенциала. Россия оказывается за границей объединенной Европы, какую бы мягкую модель партнерства нам ни удалось выстроить в дальнейшем. Попытка войти в Европу, как это уже бывало в нашей истории, провоцирует столь сильные центробежные тенденции, что это угрожает целостности России и ее обратному превращению в Московию.

Эти проблемы и вызовы не означают, что нам необходимо дистанцироваться от европейского объединения. Но мы обречены на поиск своего самостоятельного места в отношениях как с Европой, частью культуры и цивилизации которой мы были всегда, так и Востока, частью которого мы тоже были со времен Золотой Орды. Россия — развивающаяся и одновременно развитая страна, развитая как по своему промышленному, так и прежде всего научному, социальному капиталу и культуре. Выбор Путина — ставка на партнерство с США и Западом. Однако мы не можем быть простым сателлитом западного мира, а должны выступать в качестве активного самостоятельного субъекта диалога Запада и Востока, поскольку одновременно принадлежим обоим мирам.